

ТВОРЧЕСТВО И.С. ТУРГЕНЕВА В ОЦЕНКЕ Ю.Н. ГОВОРУХИ-ОТРОКА

После смерти Тургенева в 1883 году вокруг его творчества длительное время шла острая дискуссия. Дать общую оценку его литературного наследия попытался и талантливый критик христианско-эстетического направления Ю.Н. Говоруха-Отрок, опубликовавший в «Московских ведомостях» к десятилетию со дня смерти писателя цикл статей, которые легли в основу его книги «Тургенев» (1894). Сразу же после публикации критический этюд Говорухи-Отрока получил положительные отзывы многих современников, в т.ч. Н.Н. Страхова, В.В. Розанова, И.И. Ясинского. Сегодня, когда активно изучается деятельность и творческое наследие писателей и критиков консервативного лагеря, обращение к одной из лучших работ Говорухи-Отрока является актуальным и научно востребованным.

Цель данной статьи – проанализировать критический этюд Ю.Н. Говорухи-Отрока «Тургенев» и оценить его с позиций нашего времени.

Композиция книги имеет четкую и логичную структуру. Она состоит из пятнадцати глав, в которых рассматриваются следующие произведения И.С. Тургенева: «Андрей Колосов» (1844), «Гамлет Щигровского уезда» (1848), «Дневник лишнего человека» (1850), «Рудин» (1855), «Фауст» (1856), «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867), «Новь» (1876), «Песнь торжествующей любви» (1881), «Клара Милич» (1883). Важной чертой композиции книги является обозначенный критиком к каждой главе круг проблем, которые в сумме составляют своеобразный структурированный план его исследования.

В центре внимания Говорухи-Отрока – проблема «лишних людей», толкование которой имеет основополагающее значение для понимания общей концепции его книги. Причину появления «лишних людей» он видит не в условиях социальной жизни в России, а в «прививке чужой цивилизации», которая губит слабые натуры. Другими словами, исконно русские люди, приобщаясь в университетах к европейским наукам, не выдерживают подобной прививки и впадают в скепсис. Подобный путь, считает автор, прошел и Тургенев. Говоруха-Отрок отрицательно относится к западничеству, видя в нем причину духовной болезни молодых поколений русских людей. На протяжении всего исследования он пытается доказать, что образ «лишнего человека» в творчестве писателя имеет автобиографический характер. «По моему мнению, – пишет критик, – только поняв, что сам Тургенев был «лишним человеком», можно правильно объяснить всю его литературную деятельность, можно уловить черты его литературной физиономии» [2, 19]. Ключом к раскрытию духовного облика Тургенева он берет выдержку из дневника писателя: «Как миг какой пролетает день, пустой, бесцельный, бесцветный... Ни права жить, ни охоты нет; делать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать», а

также его признание в письме Я.П. Полонскому от 7 апреля 1877 года в том, что «это настроение существует уже давно – чуть ли не с самой молодости» [2, 3].

В первой главе, анализируя ранние произведения Тургенева, Говоруха-Отрок называет их героев – повествователя повести «Андрей Колосов», «небольшого бледного человека», и Василия Васильевича из «Гамлета Щигровского уезда» – прообразами «лишних людей». Их характеризует, с точки зрения критика, нравственное бессилие, неспособность к решительным поступкам, подмена истинных чувств и переживаний вычитанными и надуманными чувствами, высокомерное отношение к действительности с позиций просвещения и цивилизации, преклонение перед любой силой, будь то выражение жестокости или пошлости. «Небольшой бледный человек», которому уже почти тридцать лет, продолжает восхищаться приятелем своей юности Андреем Колосовым, считая его необыкновенным человеком. Между тем «необыкновенность» Колосова заключается в том, что он решительно разорвал отношения с некогда симпатичной ему девушкой. «Он поступил по-Базаровски, «вырвал зуб», но, конечно, не себе, а другому, и притом зуб здоровый – и вот это-то и поражает «небольшого бледного человека»», – констатирует Говоруха-Отрок [2, 7]. По его мнению, отношение повествователя к Колосову напоминает отношение Аркадия Кирсанова к Базарову, и, более того, отношение самого Тургенева к Базарову.

Иным представляется ему подход писателя к герою повести «Гамлет Щигровского уезда», который, по его мнению, изображен комичным и жалким. Он комичен, потому что при всем своем высокомерии он лишен чувства собственного достоинства, а жалок, потому что действительно страдает. Просвещение, которым так тщеславится Василий Васильевич («ведь я Гегеля изучал, милостивый государь, ведь я Гете наизусть знаю!»), оказалось никому не нужным, что вызывает в нем истинное страдание и непонимание происходящего. Критик предполагает, что, создавая образ Гамлета Щигровского уезда, писатель пережил мучительный процесс анализа собственной души. «Он проследил в своей душе комичные и жалкие черты «лишнего человека», и вот в его изображении все самые затаенные мелочные чувства «лишнего человека» вышли наружу», – полагает Говоруха-Отрок [2, 12]. По его словам, переосмысление писателем отношения к жизни и к созданному им образу «лишнего человека» стало возможным благодаря двухлетнему уединению в деревне, во время которого он соприкоснулся с действительностью и простым русским народом и результатом чего также стали «Записки охотника», которые «навсегда останутся в русской литературе».

Дальнейшее развитие образ «лишнего человека» получает в «Дневнике лишнего человека», в котором, собственно, впервые вводится в литературный обиход это понятие. Писатель ставит Чулкатурина, героя повести, в исключительные условия – он умирает, – и потому в его исповеди нет места фальшивым чувствам и лжи. Он умен, благороден, самоотвержен, но пустота

его жизни и отсутствие искренних и глубоких чувств порождают в его душе только горькое недоумение и перед жизнью и перед смертью. «Полная неспособность поверить и полюбить одним подъемом духа делает то, что лишним людям не помогает ни их ум, ни их искренность, – отмечает критик. – Понимание и верная оценка своего прошлого, стыд за это прошлое приводит их не к покаянию, не к возрождению, не к нравственному обновлению, а лишь к душевной апатии, к печальному и скорбному недоумению. Вот почему их рефлексия, их постоянный мелочный анализ своего душевного состояния остаются совершенно бесплодными» [2, 15]. Интересно, что «Дневник лишнего человека» Говоруха-Отрок считал самым задушевным и искренним произведением Тургенева.

В последующих главах автор монографии пытается доказать, что настоящего мировоззрения у Тургенева не было, а его заявление о том, что он «закоренелый западник» и «либерал старого покроя» свидетельствует лишь о состоянии раздвоенности души, характерного для «лишних людей». Даже приведя весьма открытое изложение писателем своих политических воззрений («постепеновец», «либерал старого покроя», «противник революции», ожидающий реформы «только свыше»), Говоруха-Отрок настаивает на своем отказе Тургеневу в мирозерцании. У «лишних людей», считает критик, нет мирозерцания, у них есть только настроение. Он ставит под сомнение и западничество Тургенева: «В отношении его к жизни, сказавшемуся в его художественных произведениях, мы не видим отражения западничества. Напротив, все его сочувствия на стороне русского быта» [2, 27].

Говоруха-Отрок резко критикует Тургенева за его реакцию на критические отзывы о романе «Отцы и дети». Как известно, критика демократического лагеря обвинила писателя в том, что он оклеветал молодое поколение, показав его нигилистами. Одной из наиболее острых была статья М.А. Антоновича «Асмодей нашего времени» (1862) [1]. Говоруха-Отрок утверждает, что выступление писателя в свое оправдание («По поводу романа «Отцы и дети»») свидетельствовало о том, что он не смог возвыситься над «сплетнями». Затеяв с ними спор, он унизился, а это, по мнению критика, связано с тем «душевым изъяном», который сделал его «лишним человеком». Автор уподобляет Тургенева герою «Гамлета Щигровского уезда».

Четвертая глава книги посвящена роману «Рудин», в которой главное внимание уделено образу Рудина как типичному «лишнему человеку». В отличие от Ап. Григорьева, утверждавшего, что Тургенев на протяжении всего романа развенчивает своего героя, Говоруха-Отрок убежден в обратном. По его мнению, писатель считает его необыкновенным человеком, который способен «властвовать над умами и сердцами» [2, 50]. В одних он вызывает любовь и преклонение (Наталья, Басистов), в других – ненависть и страх (Лежнев, Волынцев). Тем не менее, «несвободное» отношение Тургенева к своему герою не помешало верности изображения, полагает критик. Писатель показал его таким же «лишним человеком», как и Гамлета Щигровского уезда, только он

«речистее, даровитее» своего предшественника и «обладает той неутомимой подвижностью», которой нет в Василии Васильевиче. Рудин, действительно, предстает незаурядной личностью, однако его гениальность обусловлена малообразованным и духовно ограниченным обществом, в среде которого его изображает писатель. И хотя он заметно выделяется в окружающем его обществе, «омертвевшем, косном, чуждом какого бы то ни было душевного движения», в нем нет ничего героического, убежден критик. Смерть Рудина на баррикаде так же бессмысленна, как и его жизнь. «Его смерть не героическая, – пишет Говоруха-Отрок, – это смерть человека, потерявшего веру в себя. Он не пожертвовал жизнью, он отдал ее случайно и бессмысленно, как вещь вовсе никому ненужную – и менее всего нужную ему самому» [2, 60]. Причину одиночества Рудина и его духовного и жизненного скитальчества автор книги видит в отсутствии в его жизни «прочной опоры», которая заключается в христианской вере, любви и надежде. В подтверждение своей мысли он цитирует слова Гоголя: «...не ужасное ли это явление – жизнь без опоры прочной» [2, 58]. В заключение он делает вывод, что культурный рост России выражается не в Рудиных, а в иных людях и в иных явлениях.

Анализируя образ Рудина, Говоруха-Отрок крайне отрицательно отзывается о «людях 40-х годов», черты которых он усматривает в тургеневском герое. Их жизнь, как он полагает, была только «беспрерывным умственным и нравственным скитальчеством»: «Черенок европейской культуры, привитой к «людям 40-х годов», к этим чахлым и слабым дичкам дал лишь бесплодно опавший цвет, но не дал плода; чуждые соки лишь искривили этот дичок, нарушили правильность его роста» [2, 53].

Такая тенденциозная оценка «людей 40-х годов» выглядит совершенно несправедливой. Отдельные представители их, такие, как Герцен, Белинский, Грановский, Бакунин, сыграли очень важную роль в развитии духовного самосознания русского народа, что признает в иных своих работах и сам Говоруха-Отрок. В их деятельности была и вполне конкретная цель, и «прочная опора». Рудин до них не дотягивает – в этом автор прав.

Согласно концепции Говорухи-Отрока после романа «Рудин» в мировоззрении и творчестве Тургенева наступил перелом, который нашел отражение в рассказе «Фауст». Его герой (и рассказчик) Павел Александрович для критика – такой же «лишний человек», как Гамлет Щигровского уезда, как Рудин, однако различие состоит в том, что он к концу жизни осознает истинную причину своего душевного расстройства. Анализируя свою жизнь, свою судьбу, он признает существование таинственных сил, неподвластных разуму. «Мы все должны смириться и преклониться перед Неведомым», – говорит Павел Александрович [2, 70]. Это, по мнению автора книги, шаг к вере. «Но веры здесь еще нет, – подчеркивает критик, – ...здесь есть смущение души, отступающей пред Неведомым, то смущение, которое может разрешиться верой» [там же]. Это новое высокое настроение позволило

Тургеневу создать свое лучшее, по мнению Говорухи-Отрока, произведение – «Дворянское гнездо».

Главный герой романа «Дворянское гнездо» Лаврецкий отличается от других «лишних людей» тем, что, восприняв европейское просвещение, он не оторвался от русской почвы и оставался русским человеком. Не случайно сам Тургенев называл его славянофилом. Его неверие не было результатом нравственного распада, а являлось лишь следствием «душевной усталости». Он смирился перед жизнью, перед ее таинственными силами и внутренне готов принять Бога. «Если есть в русской художественной литературе намек на то, что принято называть положительным типом, то этот намек мы имеем в Лаврецком», – пишет Говоруха-Отрок [2, 90]. И хотя критик признает, что Лаврецкий «не герой», но «он из тех, кем держится Русская земля» [2, 89].

Решающая роль в исцелении Лаврецкого принадлежит, по мнению автора исследования, Лизе Калитиной: «Она прикоснулась к его душе – и душа эта расширилась, ожила, затрепетала новою, неведомою для нее жизнью» [2, 94]. Любовь к Лизе пробудила и одухотворила то лучшее, что было сокрыто в тайниках души героя: и любовь к родине, и религиозное чувство, и желание очиститься от лжи. Образ Лизы, по мнению критика, имеет ключевое значение в идейном замысле произведения. Писатель, освещая детство героини, домашнюю обстановку, показал роль няни Агафьи в ее воспитании, простой религиозной женщины, приобщившей ее к религиозным мифам и церкви. «Лиза получила то же воспитание духовное, что и народ наш», – отмечает критик и добавляет, что она «восприняла в душу свою то, что народ наш воспринимает в свою душу, странствуя по монастырям или выслушивая рассказы странников...» [2, 101]. В ее сознании утвердилась мысль о том, что жизнь «не шутка и не забава, даже не наслаждение», что главное в ней – любовь к Богу и живому миру. По мнению Говорухи-Отрока, в образе Лизы Тургенев создал тип идеальной русской женщины.

Лизе противопоставляет он героиню очередного романа Тургенева «Накануне». Проблематику произведения он рассматривает в соотнесении с социальными обстоятельствами, сложившимися в России в 50-е годы. Считая начавшийся революционный подъем накануне освобождения крестьян суетой жизни, Говоруха-Отрок оценивает роман крайне критически. Основной критический удар он направляет на образ Елены и называет ее лицом комическим, а не героическим. По его мнению, главными ее чертами являются «исковерканность, натянутость, восторженность, ... эгоизм» [2, 116]. В Инсарове она любит не человека, а «ярлык» революционера. Елена влюбилась в него потому, что он «герой», обличитель русской дряблости. Свою позицию критик подкрепляет ссылкой на мнение Л.Н. Толстого: «Девушка – из рук вон плоха» [2, 122]. Сам же Инсаров, по мнению Говорухи-Отрока, никакой не герой, а «просто случайность».

Стремление дегероизировать Елену связано с тем, что демократическая критика, в частности Добролюбов, возводили ее в героиню времени,

«представительницу женской самостоятельности». Однако, по мнению автора монографии, она лишена самостоятельности, твердости и непреклонности, присущих характеру Лизы из «Дворянского гнезда».

Центральное место в исследовании Говорухи-Отрока занимает роман «Отцы и дети», которому он посвятил три главы – девятую, десятую и одиннадцатую. Чтобы раскрыть сущность образа Базарова и социальный смысл его нигилизма, критик сопоставляет идейную жизнь университетских кружков 20-х и 40-х годов. Если в 20-е годы студентов занимала преимущественно проблема философии и литературы, то в 40-е годы университеты, отмечает критик, прониклись новым духом: главным занятием молодежи стало чтение запрещенных книг Фейербаха, Бюхнера, Герцена, Огарева и др. Этот дух, по его мнению, возростал в последующие годы – 50-е и 60-е, – к названным именам прибавились Бокль, Спенсер, Маркс, Чернышевский, Писарев, Лавров. Это была та почва, которая взрастила Базаровых. Говоруха-Отрок приводит известные суждения Тургенева о своем романе, содержащиеся в письме Случевскому, и пытается опровергнуть их. Особенно неприемлемыми ему представляются следующие слова писателя: «... если он (Базаров – *О.Г.*) называется нигилистом, то надо читать революционером»; «вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса» [2, 140]. Категорически возражая против попытки писателя возвысить Базарова, представить его большой фигурой в истории России, способной «подавить» представителей дворянства, Говоруха-Отрок делает исторический экскурс и доказывает, что дворянство, начиная с петровской эпохи, было и остается основной движущей силой прогресса России. «Всю культурную работу, – пишет он, – работу усвоения европейского просвещения и создания своего несло дворянство. Оставляя в стороне другие области, мы возьмем только область науки, искусства, литературы. Все славные русские имена в этой области, почти без исключения, принадлежат дворянам» [2, 144].

Намерение Тургенева показать бессилие дворянства как передового сословия, по его мнению, не осуществилось в его произведении. Однако подобный вывод едва ли можно считать объективным, соответствующим внутренней логике идейно-образной концепции произведения. Ссылки на исторические факты ретроспективного характера не имеют отношения к роману, поскольку писатель не пытался показать историческую миссию дворянства как класса, а имел в виду его место и роль в конкретных исторических условиях России 60-х годов XIX века.

Однако обратимся к образу Базарова, выяснению основных способов «развенчивания» его как социального типа. Прежде всего, подчеркивает Говоруха-Отрок, ссылаясь на мнения Каткова, Достоевского и Страхова, в романе отразилось противоречивое отношение писателя к своему герою. Задавшись целью как бы осудить Базарова и представляемое им течение, писатель фактически поставил его на «очень высокий пьедестал» (слова Каткова). Однако Говоруха-Отрок пытается сбросить его с пьедестала и

представить не новым героем времени, а просто ограниченным человеком. «Есть отрицание и отрицание, – пишет он. – Есть отрицание, вытекающее из ограниченности ума и натуры, и есть отрицание, вытекающее из глубины ума и натуры» [2, 157]. Нигилизм Базарова, «поверхностный» и «грубый», критик относит к первой разновидности. Герой Тургенева отрицает науку, искусство, логику, любовь в силу своей «хамской гордости». Никакого байронизма в подобном настроении Базарова, приписываемом ему некоторыми критиками, автор книги не видит. Первый признак байронизма, как он считает, – душевная раздвоенность, отрицание глубокое и мрачное. Ничего подобного нет в Базарове, отрицание которого – «результат умственной ограниченности и тупости сердца». Если сущность байронизма заключается в мучительном раздумье над загадкой жизни, а сам Байрон – «мученик суровый» (Пушкин), то Базаров, считает критик, не задумывается над вечными проблемами – ему и так все ясно. Истоки нигилистических воззрений героя он видит в вульгарно-социологических трудах немецкого философа Бюхнера, отдававшего приоритетное значение в жизнедеятельности человека ощущениям. Тургенев хотел представить своего героя лицом трагическим, однако Базаров, по мнению автора книги, не производит впечатления трагической фигуры, так как «у него нет нравственной мощи; вся его сила – в черствости его сердца, физической энергии и злобности натуры» [2, 176].

Тургенев, говоря о Базарове, отмечал, что «он честен, правдив, демократ до мозга костей» [2, 168]. Критик соглашается с мнением писателя о своем герое, однако комментирует его слова в соответствии со своими представлениями о названных понятиях. Так, по его мнению, Базаров действительно честен, потому что достаточно силен и дерзок, чтобы обойтись без плутовства и притворства; он, безусловно, правдив и искренен, так как не скрывает своей искренней злобы, вульгарного отрицания и глумления над культурными и нравственными ценностями; и, наконец, он демократ, который смотрит на народ как на бессмысленную стихийную силу, посредством которой он надеется осуществить свои замыслы о всеобщем разрушении. Говоруха-Отрок утверждает в мысли, что Базаров – это «ярко выраженный тип чистого анархиста» [2, 170]. Заслугу Тургенева он видит в том, что писатель своим поэтическим чутьем угадал только что появившийся тип русского анархиста и воплотил его в ярком образе, хотя сам не понял смысл этого образа.

Говоруха-Отрок также полемизирует с мыслью писателя о том, что Базаров подавляет все остальные действующие лица романа. «Подавлять собою – значит получить нравственное торжество над людьми, с которыми имеешь дело», – утверждает критик и отмечает, что Базаров находится нравственно ниже даже такой заурядной среды, в которой его изображает писатель [2, 174]. Если он над кем и торжествует, то разве над Ситниковым и Кукшиной. Что касается Николая Петровича и Павла Петровича Кирсановых, то они относятся к нему осторожно и неприязненно. Своей вульгарностью, грубостью, самоуверенностью и высокомерием он отталкивает всех окружающих.

Увлекается им только Одинцова, которую привлекает в нем его экстравагантность. Совершенно очевидно, что подобная трактовка образа Базарова была обусловлена политической ситуацией в России середины века.

Последователи Базарова, по мнению Говорухи-Отрока, – это революционеры-экстремисты, народовольцы, совершающие покушения и пожары, возглавляющие т. н. политические «движения». Критик замечает, что в исторической действительности Базаровы эволюционируют в Раскольниковых, которые намного опаснее и страшнее своих предшественников. В то время как в Базаровых-анархистах есть только сила злобы и физической энергии при совершенном отсутствии нравственных ценностей, в Раскольниковых проявляет себя уже внутренняя сила, которая заключается в сатанинской гордости и нравственной извращенности. Если нигилизм Базаровых не имел под собой никакой определенной идейной основы, а был только следствием вульгарного самолюбия и гордыни, то движущей силой Раскольниковых является стремление доказать во что бы то ни стало, что они «не твари дрожащие». «Вот эта-то идея двигала Раскольниковыми и приводила их к деяниям чудовищным», – отмечает Говоруха-Отрок [2, 207].

Верный своей концепции, критик оценивает роман и его героя с позиций почвенничества и православия. Истоки базаровщины он видит в западничестве, в увлечении вульгарно-материалистическими идеями западных философов, в отрыве от национальной почвы и пренебрежении нравственными ценностями православия.

В подобном же ключе Говоруха-Отрок анализирует и последующее произведение Тургенева – роман «Дым». В центре его внимания находится социально-исторический аспект спора патриота-государственника Литвинова с западником Потугиным, который является, с его точки зрения, типичным выразителем тех слоев русского общества, которые подчинили себя европейской моде и приличиям и едва ли знакомы с сущностью русской культуры и жизни. Главную идею произведения он видит в отрицании России и ее культурного значения. Тем не менее, заслуга писателя состоит, по его мнению, в том, что в этом романе, как и в ряде других произведений, Тургенев, не будучи «властителем дум», оставался верным художественной правде и «подсказал обществу ... его симпатии и антипатии», показал его разочарование в естественных науках, «новых людях» и их идеях [2, 191].

Эту же мысль Говоруха-Отрок развивает в главе, посвященной роману «Новь», в котором, как известно, писатель сделал попытку показать представителей народнической интеллигенции, пришедшей на смену Базаровым. Герои этого романа – Соломин, Марианна, Нежданов, Маркелов, Машурина, Остродумов – вышли из молодежи 70-х годов, о которой Тургенев в 1874 году писал: «Что касается до ваших новых людей ... какой я был бы художник (не говорю уже: человек), если б я не понимал, что самоуверенность, преувеличение, известного рода фраза и поза, даже некоторый цинизм составляют неизбежную принадлежность молодости? Не в том я упрекаю

ваших знакомых, а в скудности мысли, в отсутствии познаний, а главное: в бедности, в нищенской бедности дарования» [2, 220]. Автор книги уверен, что Тургенев понимает ничтожество, умственную и нравственную ограниченность своих героев, не способных ни на какое дело, однако пытается придать им важность, поставить как бы в один ряд с Базаровым с целью изобразить «явление прогресса». На самом же деле деятельность этих людей «столь же бессмысленна и бестолкова, как они сами», считает критик [2, 230].

Идея романа «Новь», по мнению Говорухи-Отрока, выражена в его эпиграфе: «Подымать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». Разъясняя его смысл, он отмечает, что новь – это русский народ, поверхностно скользящая соха – это компания Нежданова, глубоко забирающий плуг – это Соломины. В то время как революционная деятельность Неждановых терпит крах – сам Нежданов кончает жизнь самоубийством после полностью неудачной попытки вести пропаганду среди мужиков, Маркелова крестьяне сдают полиции, и он идет под суд, Остроумова убивает неизвестный мещанин, а Марианна выходит замуж и бросает революционные дела, почти не успев их начать, – Тургенев в поиске нового героя останавливает свой выбор на Соломине. Тем не менее Говоруха-Отрок убежден, что Соломин стоит гораздо ниже прежних героев Тургенева, так как в нем нет их достоинств, а отрицательные качества усугубились. Ему не только присуще высокомерие, самодовольство и самоуверенность, но и хитрость, изворотливость, расчет своей выгоды. «Такая фигура не могла пленить никого – и «Новь» не имела успеха», – подытоживает критик [2, 237]. Изображая Соломина, как и других героев романа, «без сердечного сочувствия», Тургенев, по его мнению, написал «холодный, рассудочный ... роман, стоящий неизмеримо ниже таланта автора» [2, 238].

Говоруха-Отрок крайне отрицательно относился к революционному движению 50–70-х годов потому, что считал его противоречащим интересам народа и духовным основам русской жизни. Он уверен, что образованное общество должно не учить народ, а учиться у него его высокой духовности, верности русским традициям и православным идеалам. Согласно концепции Говорухи-Отрока именно в народной среде следует искать настоящих героев.

И, наконец, последняя глава критического этюда посвящена произведениям Тургенева, написанным после романа «Новь», – повестям «Клара Милич» и «Песнь торжествующей любви». В их оценке критик опирается на суждения Страхова. Он соглашается с мнением Страхова о том, что «везде слышится чуткое, раздражительное недовольство нашим народным характером, неверие в изящество его проявлений» [2, 240]. Говоруха-Отрок отмечает, что Тургенев, будучи знатоком и большим ценителем европейской культуры, искал и в русской действительности европейский трагизм, поэзию, патетичность, – но, конечно, не находил. Между тем русские трагические характеры были ему недоступны, так как, по мнению критика, «их и нельзя было заметить, прилагая ко всему европейскую мерку» [2, 245]. Среди

характерных особенностей последних произведений писателя он называет мистицизм, фатализм, изображение чувственных страстей.

В конце своего исследования Говоруха-Отрок приводит слова Тургенева из письма Л.Н. Толстому: «я писатель переходного времени» [2, 250]. Отмечая правдивость приведенных слов, автор книги, тем не менее, уверен, что творческое наследие Тургенева займет почетное место во всемирной литературе, потому что в своих произведениях писатель показал несостоятельность и призрачность западного движения, среди представителей которого – «лишние люди», чуждые не только русской истории и культуре, но и европейской культуре. Более того, Говоруха-Отрок рассматривает творчество писателя как правдивую летопись русской жизни определенной эпохи: «Он еще близок нам, он живет еще и в нас самих, и в окружающей нас жизни. Его личность поясняет нам его произведения, его произведения как бы отражаются для нас в его личности. На страницах этих произведений еще ясны следы только что утихнувшей борьбы, в них мы читаем как бы донесения с поля битвы одного из ее участников, донесения, на которых видны следы крови и пороховой копоти. В этих донесениях не все верно, не все точно, не все ясно, они всегда субъективны, но они имеют цену искренних показаний очевидца и участника дела» [2, 252]. Думается, что с такой общей оценкой творчества Тургенева не может не согласиться современный исследователь.

В заключение отметим, что, считая западничество основной бедой духовной жизни России, породившим т. н. «лишних людей» и отрицательно сказавшимся на жизни и творчестве Тургенева, Говоруха-Отрок явно недооценивает реализм писателя, которого справедливо называли летописцем общественного движения России, а также его русский патриотизм и веру в творческие силы народа. Не случайно он обошел вниманием «Записки охотника» и недооценил значение русских типов в идейно-образной концепции всех рассмотренных им романов.

Среди достоинств книги следует отметить простоту и ясность изложения, яркость языка, стройность и логичность композиции, ясность концепции и аргументации.

Литература

1. Антонович М.А. Асмодей нашего времени // Критика 60-х годов XIX века (Библиотека русской критики) – М.: Астрель, 2003. – С. 21-33.
2. Говоруха-Отрок Ю.Н. Тургенев. – М.: Университетская типография, 1894. – 263 с.

Аннотация

В статье проанализирована книга известного критика XIX века Ю.Н. Говорухи-Отрока «Тургенев», основополагающей концепцией которой является признание самого писателя «лишним человеком». Анализируя романы писателя, критик приходит к выводу, что причиной появления «лишних людей» и нигилизма в России является слепое подражание западной культуре и пренебрежение национальными духовными ценностями. Типичными чертами главных героев тургеневских романов Чулкатурина, Рудина, Инсарова, Базарова и др. он считает душевную опустошенность, растерянность, нерешительность, обреченность на бессмысленное существование.

Ключевые слова: роман, «лишний человек», западничество, православие, нигилизм, мировоззрение.

Анотація

У статті проаналізовано книгу відомого критика XIX століття Ю.М. Говорухи-Отрока «Тургенев», провідною концепцією якої є визнання самого письменника «зайвою людиною». Аналізуючи романи письменника, критик робить висновок про те, що поява «зайвих людей» та нігілізму в Росії спричинена сліпим наслідуванням західної культури та зневажанням національними духовними цінностями. Типовими рисами головних героїв тургенівських романів Чулкатурина, Рудіна, Інсарова, Базарова та ін. він вважає душевне спустошення, розгубленість, нерішучість, приреченість до безглузлого існування.

Ключові слова: роман, «зайва людина», західництво, православ'я, нігілізм, світогляд.

Annotation

The article presents the analysis of the book "Turgenev" written by the prominent XIXth century critic Yu.N. Govorukha-Otrok, which is based on the idea that the writer himself was a "superfluous man". Analyzing the novels the critic comes to the conclusion that the reason of the appearance of the "superfluous people" and nihilism in Russia lies on the blind imitation of the western culture and on disregard of national moral values. The typical features of main Turgenev's characters Chulkaturin, Rudin, Insarov, Bazarov, etc. are spiritual bankruptcy, bewilderment, indecision, being doomed to senseless existence.

Key words: novel, superfluous man, Westernizes, Orthodoxy, nihilism, world outlook.